

Ленинград, проезд 18 января, 1986

ПАРАДОКСЫ УСПЕХА

Сказки

для взрослых

ПИСЬМА, переданные мне редакцией по поводу моей статьи «Пираты, которые поют», делятся на несколько групп. Авторы одной из них, вполне отдавая себе отчет в развлекательном характере фильмов типа «Анжелика в гневе», как раз по этой причине берут их под защиту. Очень точно это мнение сформулировала в своем письме инженер Е. Васильева: «Зрители, заполняющие залы наших кинотеатров, много и напряженно трудятся, устают, иногда у них бывают неприятности дома и на работе. По себе знаю, как хочется иногда просто отдохнуть, и здесь приходят на помощь эти руганные-переруганные критиками фильмы, с их невероятными приключениями, красивыми пейзажами, удачливыми героями. Ведь все они — лишь сказка для взрослых».

Вы правы, уважаемая товарищ Васильева. Действительно, есть сказки для взрослых, служащие отдыху, психологической разрядке. Никому из искусствоведов, и тем более социологов, и в голову не придет отрицать развлекательную функцию кинематографа. Если вы помните, то в статье «Пираты, которые поют» я писал о желательности такого изменения репертуарной политики нашего проката, при котором хотя бы один сеанс в день в каждом кинотеатре был представлен так называемому «трудному», то есть достаточно серьезному художественному фильму.

Опасность лент типа «Анжелики» и «Похищения по-американски» — отнюдь не в их развлекательности самой по себе, а в том, что они исподволь, незаметно воспитывают зрителя в духе потребительского наскока на жизнь. Этим-то подобные ленты и отличаются от настоящих произведений киноискусства, обращенных прежде всего к человеческой духовности. Проще говоря, киноискусство не сводится к кинозрелищу, у них разные задачи, хотя и зрелище может быть «хорошо сделано», то есть обладать своей эстетической стороной.

Авторы другой части писем настроены более решительно. Они призывают просто запре-

тить показ картин вроде «Анжелики» или «Пиратов XX века». «Бой — пьянству, бой — плохим кинофильмам, бой — пошлой эстраде», — пишет, например, тов. Малсина. Пафос автора этих строк понятен, однако в сфере искусства дела обстоят куда сложнее, чем, скажем, в торговле. Если в магазине можно заменить вино виномградным соком, то чем заменить дешевый боевик, плохой детектив, примитивную мелодраму в условиях современного массового кинопроизводства и кинопроката? Шедевры, как известно, рождаются нечасто. В этом плане многие читатели сетуют на скуку, заштампованность многих отечественных фильмов, в частности так называемой производственной тематики, в которых «в основном говорят о выполнении плана» (Н. Иванова). Зритель на такой фильм не пойдет, утверждает читательница.

И правильно делает, что не пойдет, добавлю я. Скудный фильм способен обесценить любую, даже самую важную тему. А что для зрелого человека важнее работы, дела, которому он служит? К счастью, советское кино располагает замечательными «производственными» лентами (вспомним из недавних произведений хотя бы «Остановился поезд» В. Абдраштова), хотя, конечно, и серых, скучных фильмов тоже хватает. Между прочим, полноценный фильм о производстве (вернее, о человеке на производстве) сделать не легче, а быть может, труднее, чем картину о «частной жизни». Кроме того, неужели выбор в наших кинотеатрах должен сводиться к выбору между тягучей «технологической» историей и душевнораздирающим зрелищем того, как эстрадная дива бросает восторженной толпе на растерзание свой меховой палантин (фильм «Пришла и говорю»)?

Подлинное искусство не терпит назидательности точно так же, как и глумливой развязности. В самом статусе кинофильма как художественного произведения уже заложен, так сказать, нормативный момент. Это верно подметил в своем письме В. Костыленко: «Вель как расценивают некоторые молодые люди (да и не только молодые) — раз показывают фильм в кино и на телевидении, значит, это хорошо, значит, это своего рода норма».

Сам ход нашего разговора, как мне кажется, подвел нас к проблеме положительного героя в искусстве. Ряд читателей открыто требует в своих письмах делать фильмы только с положительным и даже идеальным героем, находящимся в центре повествования, другие, наоборот, считают такого героя художным, слишком «голубым». Третьи отвергают саму постановку этой проблемы, считая, что искусство только тогда исполняет свое предназначение, когда задает острые вопросы, будит совесть человека, его гражданское чувство.

В КАЖДОМ из этих суждений есть доля правды. Разумеется, фильм или спектакль не может ответить на все вопросы, поднимаемые им самими, не говоря уже о многочисленных проблемах окружающей искусство жизни. Еще Лермонтов в предисловии к «Герою нашего времени» писал: «Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уже бог знает!». Вспомним, наконец, «Ревизора» Гоголя, где нет ни одного положительного лица...

Вместе с тем искусство способно на большее, чем только постановка проблемы. Оно касается тех глубин души, благодаря которым простые нравственные нормы обнаруживают себя как условие человеческой личности, то есть как бы заново рождаются ею. Почему нельзя читать чужие письма? Нельзя, и все тут! («Чужие письма»). Почему нельзя выгнать из дома мать, даже если ее присутствие осложнит жизнь дочери с мужем? Потому что нет и не может быть счастья, построенного на несчастье другого человека («Впервые замужем»). Что делать, если ты любишь, а тебя не любят? Страдать! («В моей смерти прошу винить Клаву К.»).

«Положительно прекрасное»

ПРИВЕДЕННЫЕ примеры — только иллюстрация огромной проблемы взаимоотношений искусства и нравственности, в центре которой, несомненно, находится вопрос о человеке, его призвании и его долге. Русская классика, в которой учатся советская литература, живопись, кино, никогда не чуралась положительного героя. Наоборот,

ей дорог был человек, в которого веришь, за которым хочется пойти на край света. Вспомним «Татьяны милый идеал» Пушкина, Базарова и Инсарова у Тургенева, Алешу Карамазова у Достоевского, Пьера Безухова у Толстого...

Если судить не по отдельным высказываниям, а по всему творчеству художников-классиков, то у них не было более высокой задачи, чем поддержка «положительно прекрасного» в людях. В борьбе добра со злом они никогда не придерживались нейтралитета, их позиция была заинтересованной и пристрастной. То же самое можно сказать и о произведениях Шолохова и Леонова, Шостаковича и Свиридова, Довженко и Чухрая...

В последние годы, однако, вопрос о положительном герое стал у нас одним из дискуссионных. Некоторые практики и теоретики искусства утратили к нему интерес, то ли опасаясь излишней назидательности своих произведений, то ли просто не будучи озабочены этими «высокими материями».

Сложнее обстоит дело тогда, когда художник искренне полагает, что правда в искусстве достигается «от противного». Выводя на экран колеблющихся, «амбивалентных» персонажей, подробно воспроизводя несчастливые истории их бесславной жизни, они порой сами не замечают, как критика в их фильмах сменяется невольной апологетикой. Вот, например, ленинградский режиссер В. Бортко в фильме «Блондинка за углом» с таким упоением изобразил сладкую жизнь «аристократки» из сферы обслуживания, что в картину срочным порядком пришлось вводить назидательные куплеты в исполнении А. Миронова.

Примеры можно умножить — на них ссылаются и читатели газеты. Самое печальное, однако, заключается в том, что, повторяясь и переплетаясь в многочисленных вариантах, эти персонажи, что называется, берут членом, создавая неверное впечатление, будто вокруг нас одни бармены и универсамовские блондинки, работающие большей частью «налево», а в свободное время поклоняющиеся звездам эстрады.

КАКОМ же отсюда вывод, спросит читатель. Уж не хочет

ли автор в противовес всем этим лукавым дельцам и самолюбивым кумирам, на стороне которых по крайней мере преумножество нсвыдуманности, увеселиться на экране этаких резонеров, изысканных готовыми фразами и наперед знающих ответы на трудные вопросы нашего бытия?

Ни в коем случае. Настоящий положительный герой отличается от такого холящего «образца добродетели» примерно так же, как подлинная нравственность от болтовни о ней. Активная авторская позиция, авторский образ мира — вот главный герой художественного произведения. Вспомним «Калину красную» Василия Шукшина. Разве это картина о пропащем вор-рецидивисте? Это картина о смысле жизни. Не менее масштаб авторский взгляд на события в замечательной трилогии Глеба Панфилова «В огне брода нет» — «Начало» — «Прощу слова» (все три фильма сняты на киностудии «Ленфильм»). Постановщик открыто встает тут на сторону своих героинь. Никакой лакировки действительности, никакой игры в поддавки со зрителем в этих лентах нет. Они созданы совестью и талантом художника-гражданина, любящего свой народ и разделяющего с ним его радости и тревоги.

Позиция художника

ОСОБО хочется сказать о кинематографе Динары Асановой. Вот уж кого не упрекнешь в отсутствии авторского отношения к жизни! И читатели в своих письмах высоко оценивают ее позицию. Почти во всех своих картинах, начиная со «школьного» фильма «Не болит голова у дятла», она стремилась увидеть жизнь глазами современного молодого человека — вплоть до «трудного» подростка в последних лентах «Пацаны» и «Милый, дорогой, любимый, единственный...».

Но взгляд персонажа не отождествляется в работах Асановой с ее собственным, авторским, хотя она любила героев своих картин. Как художник, Асанова видела больше и дальше. «Да» и «нет» не говорите, черного и белого не называйте... — на такую позицию она

не становилась никогда. Потому и получился в ее «Пацанах» воспитатель молодежного лагеря Паша Антонов таким по-настоящему хорошим человеком. Убедительный пример для скептиков, представляющих себе положительного героя не иначе, как в виде какого-то зануды. Чрезвычайно интересен в этом плане центральный персонаж только что законченной «Ленфильме» картины В. Мельникова «Выйти замуж за капитана».

Как подчеркивалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии, необходимо повысить требования к произведениям литературы и искусства. Они должны способствовать идейно-нравственному воспитанию людей. Только тогда их появление на свет оправдано. Этой цели не добиться, если ограничиваться демонстрацией печального опыта. Если зло — социальное, моральное, бытовое — изображается художником, как своего рода естественный факт, то художник незаметно для себя оказывается в конце концов в его власти. И тут не помогут никакие уточнения стиля, вроде внутреннего монолога или дотошного, «под хроникер», правдоподобия. Не надо бояться показать в фильме или спектакле столкновение правды и кривды, героя и антигероя. Но в этой битве сердце автора и зрителя должно быть на стороне правого.

Искусство — это не просто кинематографическая или словесная выразительность, а ответственное дело человека, направленное к определенной цели. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь. Поэтому великими издавна называли у нас тех художников, которые не только развлекали или озадачивали людей, но делали свое искусство средством прояснения себя и общества, стремления к высшим духовным идеалам своего времени.

В заключение хотелось бы привести цитату еще из одного письма. Читатель Влад. Кирсанов, судя по всему человек молодой, пишет: «Я лично посмотрел «Анжелику» 6 раз. Мой друг 5 раз. И естественно, когда я встретился в газете с такой оценкой идейно-художественного уровня этого фильма, я возмутился, но затем успокоился и задумался».

Честно признаюсь, что это письмо меня порадовало едва ли не больше всех остальных.

А. КАЗИН,
кандидат
философских наук